

ТИХОН СИНИЦЫН

СИНДБАДЫ ТАВРИДЫ

ДРУГ ВСЕХ ПТИЦ

Памяти Виталия Гиразосова

Друг всех птиц выходит на причал,
Провожает редкую казарку.
Вот миндаль цветущий одичал.
В феврале необъяснимо жарко.
Южные влечёт полутона
Средиземноморский буревестник.
У бессмертья птичьи имена.
Бережно бормочет их кудесник,
Друг всех птиц, святой натуралист,
Замечает сиринов в бинокль.
Зябликов не исчезает свист,
Без него бы стало одиноко.

* * *

В пыли, у забытой железной дороги
Молчат степняков известковые боги.
Угрюмые широкоскулые лица

СИНИЦЫН Тихон Борисович родился в 1984 году. Учился живописи в Севастополе и Ялте. Окончил аспирантуру на кафедре философии в Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Стихи публиковались в журналах "Нева", "Октябрь", "День и ночь", "Москва", "Сибирские огни", "Юность", "Роман-газета", "Дон". Автор трёх поэтических книг. Живёт в Севастополе.

Следят, как пикирует хищная птица.
Бесценные фибулы южных царей
Потеряны в зарослях чертополоха.
Мне в степь захотелось уехать скорей.
Мне в тесной квартире становится плохо,
Без чёрных таинственных лесополос,
Развалин, где вьётся густой ломонос,
Без крокусов, оводов, ос и ожогов...
Верните мне степь!
Ну, хотя бы немного...

* * *

Как потеплеет —
Птицемлечник
Воспрянет.
Я его найду.
Поставь скворечник на подсвечник
Горячей яблони в саду.
Ещё не тонет Атлантида,
Везувий не коптит золой...
И нет опасностей для вида.
— Да ты не бойся. Я ведь свой!

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Тарахтяще-гремящие звуки
Гераклейского дымного дня.
Зимний день нас берёт на поруки,
Охраняя тебя и меня.
Воробьи холода предсказали,
Совещаются в зарослях...
Вдруг
Неожиданно перед глазами
Опредметилась Туча-Симург.
Зашатались шторма в перспективе.
Невозможен буквальный портрет.
Снимки смазаны, ведь без штатива
Фотографии сделал поэт.
Вдоль причалов мрачнеют “заброшки”.
— Это, я вам скажу, не Форос...
Стонут чайки. Бродячие кошки —
Практикуют звериный гипноз.
Леденящая гамма Магритта.
На гротеск нам по жизни везёт.
Море ржавым забором закрыто.
Это мелочь. Я знаю проход.

* * *

Вселенная — это чужой самокат,
Студёное эхо зимы,
Где счастье, увы, выдают напрокат
И всё происходит взаимно,
Где плакать не стыдно от мнимых свобод,
Где милость важнее, чем обряд...
Где хочется поцеловать небосвод,
Теряя почти всё подряд.

ВЕЧНОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Нет никакого будущего, нет никакого прошлого.
И в этой банальности — нет ничего пошлого.
Есть взаимная тяга, есть сапсаны парящие.
Есть вифлеемское небо. Есть вечное настоящее.
Есть иконы Рублёва, есть красота античная.
Есть зарождение веры, словно зерно горчичное.
Есть бессмертные люди Андрея Платонова.
Есть догадки, рождённые в жизни учёного.
Есть Казимира Малевича “Красная конница”*,
Есть потребность в свободе, есть колокольная звонница,
Есть ночные дороги и море штормящее...
Есть непрерывное
Вечное настоящее.

ОСЕННИЙ ПРОЛЁТ

Гисметео сбивается и лжёт.
Нежданный дождик в роще точит ляды.
Идёт осенний плановый пролёт,
Тоскуют зимородки и бекасы.

Пролётным птицам чудится плато,
Где сон-трава и тайные пещеры.
И на закате ангелы в лото
Играют на пороге тропосферы.

А на пути растут скелеты ЛЭП,
Промзоны и посёлки цвета хаки.
Никто не ждёт, не крошит чёрный хлеб...
Лишь чайки делят мусорные баки.

СИНДБАДЫ ТАВРИДЫ

Синдбады Тавриды с пакетом ставриды
Отыщут без гида следы Атлантиды.
Чернеют атлеты от крымского лета;
Стрижи в перодактилей переодеты.
По контурным картам выходим из порта,
Из Спарты и города высшего сорта.
Как звёзды морские, сияют кокарды.
Хрипят капитаны на яхтах, как барды.
Пропитан я этим горючим напевом:
Омега — направо; Казачка — налево...
В глубоких лагунах находят возмездье
Колючие, как артишоки, созвездья.
Из Корчева, Корсуни, Керкинитиды
Поют на Приморском Синдбады Тавриды!

* Имеется в виду картина К. Малевича “Скачет красная конница”.